

TERRY PRATCHETT

The Last Continent

Плоский мир — это мир в себе и зеркало других миров.

Поэтому Австралия тут совсем ни при чем. Скорее в этой книге рассказывается о совершенно ином месте, которое лишь в отдельных случаях становится немножко... австралийским.

Хотя... Будь спок, договорились?

По бескрайним звездным морям плывет черепаха, несущая на своем панцире четырех слонов.

И черепаха, и слоны куда больших размеров, чем вам может представляться, но там, среди звезд, разница между гигантским и крошечным весьма и весьма мала.

И все равно эта черепаха и эти слоны, мягко скажем, выбиваются из средних черепашие-слоновых стандартов.

А на спинах у слонов покоится Плоский мир со всеми своими континентами, облачностью и океанами.

На Диске *не живет* множество самых разных существ. Они там обитают, как обитают на всяких шариках, разбросанных по менее рукотворным областям множественной вселенной. Именно на планетах тела утоляют свои желания, иначе говоря — обитают, но сама жизнь отдельно взятого существа протекает в отдельно взятом мирке, очень удобно вращающемся вокруг отдельно взятой головы.

На своих вечеринках боги любят рассказывать одну весьма поучительную историю. В некую планету врезалась огромнейшая глыба космического льда, способная потопить пару-другую континентов. А обитатели второй некоей планеты (расположенной по астрономическим меркам буквально в двух шагах от первой) спокойно наблюдали за этой катастрофой, *ровным счетом ничего не предпринимая* — на том самом основании, что в Открытом Космосе всякое может случиться. Представители *разумных видов* по крайней мере подали бы жалобу в высшие инстанции. Впрочем, в правдивость этой истории все равно никто не верит, поскольку раса до такой степени безмозглая никогда не смогла бы открыть слуд*.

Хотя люди верят во всякое. Например, одна раса искренне уверена, что вселенная — это кожаный мешок, который несет на спине древний старик.

И последователи этой веры тоже в чем-то правы.

Другие, однако, возражают: «Эй, если он тащит в мешке всю вселенную, значит, он несет и себя с мешком, ведь вселенная содержит все. И его тоже. И мешок, разумеется. А в этом мешке — старик и мешок...» Ну и так далее.

На что следует весьма разумный ответ: «И что с того?»

Все племенные мифы — абсолютная истина. Принимаемая во внимание относительность любой истины.

* Открывается гораздо легче огня и лишь немногим труднее воды.

...Для богов простейшая проверка на всемогущество — это способность контролировать падение самой крохотной пташки. Но всего лишь один бог записывает свои впечатления, после чего вносит в процесс некоторые поправки, чтобы в следующий раз пташка падала быстрее и дальше.

Если повезет, мы узнаем почему.

А еще мы, возможно, узнаем, почему человечество находится там, где находится. Эта задачка потруднее предыдущей, поскольку сразу следует встречный вопрос: «А где же нам еще быть?» Страшно не хочется думать, что в один прекрасный день какое-нибудь особо нетерпеливое божество раздвинет облака, высунется в просвет и воскликнет: «Так вы всё еще здесь?! Вот придурки! Я думал, вы уже десять тысяч лет как открыли слуд! Ну все, ждите понедельника! Ужо десять триллионов тонн льда прочистят вам мозги!»

А если совсем повезет, мы узнаем, почему утконосистый утконос*.

Снежинки, влажные и большие, одна за другой мягко садились на лужайки и крыши Незримого Университета, ведущего волшебного-учебного заведения Плоского мира.

Снег облепил все вокруг, превратив Университет в подобие дорогой, но безвкусной безделушки. Снег лип и к башмакам Страху О'Люда, старшего слуго-

* Не почему он то-то или то-то. Просто почему он.

бразы*, который мрачно шагал сквозь холодную бесприютную ночь.

Еще два слугобразы, выступив из-под навеса, торжественным шагом двинулись вслед за старшим к Главным воротам.

Этот древний обычай пришел из глубины веков, и летом всегда находилась пара-тройка туристов, жаждущих стать свидетелями ритуала. Минус состоял лишь в том, что Церемонию Ключей проводили каждую ночь и круглый год. Заурядный разгул стихий — лед, ветер, снег и дождь — не мог помешать исполнению обряда. А в стародавние времена слугобразы, согласно традиции, еще и преодолевали различные препятствия: бились не на жизнь, а на смерть с многолапыми чудовищами; переходили вброд бушующие воды; вооруженные лишь шляпами-котелками, сражались с почтовыми голубями, гарпиями и драконами — и все это под несущиеся из распахнутых окон отчаянные вопли рядовых преподавателей. «Да уймется вы наконец?! — кричали им вслед. — Чего ради так шуметь?!» Но слугобразы не унимались, даже не думали. Нельзя унять Традицию. Ее можно лишь дополнить.

Наконец заснеженная троица прибыла к Главным воротам. Там уже поджидал дежурный слугообраз.

— Стой! Кто Идет? — крикнул он.

Страх О'Люд отдал честь.

— Ключи Аркканцлера!

— Проходите, Ключи Аркканцлера!

* Типа слуга. Нечто среднее между швейцаром и надзирателем. Должность слугобразы получают не за пылкое вооружение, но за полное отсутствие такового.

Старший слугообраз шагнул вперед, вытянул перед собой руки, церемониально загнул ладони и похлопал себя по груди в тех местах, где у кого-то из его давно покойных предшественников-слугообразов располагались нагрудные карманы. Хлоп, хлоп. Опустив руки, такими же деревянными движениями он похлопал себя по бокам. Хлоп, хлоп.

— Проклятьё! Готов Поклясться, Минуту Назад Они Были Тут! — громогласно провозгласил он, с бульдожьей старательностью подчеркивая каждое слово.

Привратник отдал честь. Страх О'Люд отдал честь.

— А Ты Все Карманы Проверил?

Страх О'Люд отдал честь. Привратник отдал честь. На его котелке уже выросла снежная пирамидка.

— Наверное, Оставил Их На Комоде. Вечно Одна И Та Же История, А?

— Запоминать Надо, Куда Кладешь!

— Постой-ка, Может, Они В Другой Куртке?

Молодой слугообраз, сегодняшний Дежурный По Другой Куртке, выступил вперед. Все слугообразы обменялись отданием чести. Затем самый молодой прокашлялся и громко объявил:

— Нет, Я Смотрел Там... Сегодня... Утром!

Страх О'Люд едва заметно кивнул, показывая парнишке, что тот прекрасно справился со своим очень нелегким заданием, и еще раз похлопал себя по карманам.

— Нашел, Всех Ворон Наперекосяк! Вот Они, Ключи-То! В Этом Самом Кармане! Надо Ж Быть Таким Простофилей!

— Да С Кем Не Бывает!

— Я Даже Покраснел! В Следующий Раз, Наверное, Собственную Голову Забуду!

Где-то во мраке со скрипом растворились оконные ставни.

— Э-э, господа, прошу прощения...

— Вот Ключи! — возвысил голос Страх О'Люд.

— Весьма Обязан!

— Не могли бы вы... — продолжал неуверенный голосок, словно бы извиняющийся за столь наглую просьбу.

— Ворота На Замке! — немного погодя выкрикнул привратник, возвращая ключи.

— ...Быть может, говорить *чуть-чуть* потише...

— Да Благословят Боги Всех Присутствующих! — проорал Страх О'Люд, на раскрасневшейся шее которого уже начали проступать вены.

— И На Сей Раз Запомни Хорошенько, Куда Их Кладешь! Ха! Ха! Ха!

— Хо! Хо! Хо! — вне себя от ярости возопил Страх О'Люд.

Он деревянно отсалютовал, подчеркнуто громко топая, совершил Поворот Кругом и зашагал обратно к сторожке слугообразов, что-то бормоча себе под нос. Церемония состоялась.

Окошко маленького университетского санатория захлопнулось.

— Как же этот человек меня злит, — вздохнул казначей. Порывшись в кармане, он извлек зеленую коробочку с пилюлями из сушеных лягушек. Крышка открылась не сразу, а когда наконец открылась, несколько таблеток раскатились по полу. — И напоминаний я посылал ему не счесть. А он упорно твер-

дит, мол, такая традиция, и все же... Не знаю, по-моему, он следует ей слишком уж... громогласно. — Казначей высморкался. — Ну, как он?

— Не слишком хорошо, — отозвался декан.

Библиотекарь был очень, очень болен.

Закрытые ставни быстро залепило снегом.

Перед камином с ревущим там пламенем громоздилась куча одеял. Время от времени по одеялам пробегала дрожь. Волшебники встревоженно наблюдали.

Профессор современного руносложения лихорадочно листал книгу.

— Мы ведь даже не знаем, стар он или молод! — вдруг воскликнул он. — В каком возрасте орангутан считается старым? К тому же он еще и волшебник. И вдобавок все дни проводит в библиотеке. То есть постоянно подвергается магической радиации. Ясно одно: его морфогенетическое поле сейчас крайне ослаблено из-за простуды. Но что это за простуда, которая влияет на морфополе?!

Библиотекарь чихнул.

Форма его тела изменилась.

Волшебники с болью в глазах взирали на нечто напоминающее удобное кресло, которое зачем-то обтянули рыжеватой шерстью.

— Как же нам ему помочь? — пробормотал Думминг Тупс, самый молодой член преподавательского состава.

— Может, сверху пару подушечек положить? — предложил Чудакулли.

— По-моему, аркканцлер, это не очень смешная шутка.

— Почему шутка? Подушки — лучшее средство от любых жизненных невзгод, — авторитетно сообщил Чудакулли, человек, никогда не знавший, что такое болезнь.

— С утра он был столом. Рыжего дерева, если мне не изменяет память. По крайней мере, своего натурального цвета он более-менее придерживается.

Профессор современного руносложения со вздохом захлопнул книгу.

— Итак, он утратил контроль над своими морфогенетическими функциями. Да это и неудивительно. Изменившись однажды, в дальнейшем морфополе изменяется все легче и легче. Хорошо известный факт.

Взглянув на окаменевшую улыбку аркканцлера, профессор современного руносложения вздохнул еще раз. Наверн Чудакулли славился своим умением не вникать в проблему, если рядом был кто-то, способный сделать это за него.

— Изменить форму живого существа довольно трудно, но только в первый раз. Потом это становится все легче и легче, — перевел он.

— Гм-м?

— До того как стать приматом, библиотекарь был человеком. Припоминаешь?

— О! Конечно, — закивал Чудакулли. — Подумать только, я и в самом деле так привык к его нынешнему облику... Но наш юный коллега Думминг утверждает, что люди и приматы — близкие родственники.

На лицах остальных волшебников не отразилось ровным счетом никаких эмоций. Думминг, напротив, скривился.

— Он мне даже показывал невидимые писания, подтверждающие эту теорию, — пояснил Чудакулли. — Удивительная вещь.

Нахмурившись, старшие волшебники воззрились на Думминга Тупса. Так обычно смотрят на человека, которого поймали за курением на фабрике фейерверков. Что ж, теперь понятно, кто во всем виноват. Тот же, кто и всегда...

— Но... ты уверен, что это было безопасно? — осторожно осведомился декан.

— Я, знаешь ли, здесь аркканцлер, — спокойно ответил Чудакулли.

— Бесспорно, *аркканцлер*. — Голосом декана можно было резать сыр.

— Мне необходимо вникать во все. Вопрос морали, — продолжал Чудакулли. — И дверь в мой кабинет всегда открыта. Я вижу себя как полноправного члена команды.

Думминг опять поморщился.

— А вот у меня, по-моему, никаких родственных связей среди приматов нет, — задумчиво произнес главный философ. — Иначе бы я точно знал. Получал бы приглашения на свадьбы, крестины и прочее. И родители объясняли бы мне: «Не обращай внимания, дядя Чарли и должен так пахнуть». А по стенам висели бы портреты...

Кресло чихнуло. После нескольких неприятных мгновений морфогенетической неопределенности тело библиотекаря приняло свою прежнюю форму. Волшебники в ожидании новых превращений внимательно наблюдали.

Вспомнить, как библиотекарь выглядел в те вре-